

УДК 821.112.2

**«ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДОЧКИ МЕЛЬНИКА» И.В. ГЁТЕ:
НЕМЕЦКИЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНСА****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет)*

Проводится сопоставительный анализ двух вариантов сделанного И.В. Гёте перевода французского романса неизвестного автора. История предательства коварной красавицы существует у Гёте в двух версиях – в качестве самостоятельного произведения балладного цикла о юноше, влюбленном в очаровательную мельничиху, и в виде романса, исполняемого героиней вставного рассказа из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Особое внимание уделяется рассмотрению смысловых трансформаций, внесённых Гёте в первоначальный вариант перевода. Именно они сделали возможным включение баллады в художественный мир новеллы. Отмечается, что гётевская версия романса, вложенного в уста безумной скиталицы, отличается от первоначального перевода повышенным дидактизмом. Это приближает его к повествовательной стратегии поучительного рассказа, ориентированного на общие законы жизни, познать которые неверный возлюбленный должен ценой собственного горького опыта. Ценностно-смысловая картина мира самой новеллы, напротив, вступает в полемику с входящей в её состав песней. Сюжет вставного рассказа ставит под сомнение правомерность скрытых в романсе притязаний обманутой подружки на абсолютную верность.

Ключевые слова: романс, вставная новелла, поучительный рассказ, перевод, смысловые трансформации.

Введение. «Предательство дочери мельника» – одно из стихотворений, которое традиционно включается в состав сборников гётевской поэзии и размещается, как правило, в разделе балладного наследия писателя. Так, в юбилейном 13-томном собрании сочинений, которое вышло ещё до начала Великой Отечественной войны (1932–1937 гг.), это стихотворение было опубликовано в переводе Всеволода Рождественского и называлось «Предательство мельничихи» («Куда стремится он так рано»). А в 10-томном издании 1975–1980 гг. это же стихотворение появляется уже в переводе Андрея Павловича Глобы и называется «Предательство дочери мельника». Что удивительно, и в первом, и во втором издании история о коварной красотке, которая сначала соблазняет пылкого юношу, а затем поднимает шум вокруг утраты собственной невинности, преподносится читателю в качестве собственного сочинения И.В. Гёте, сочинения, возникшего в результате творческого переосмысления итальянской музыкальной комедии «Мельничиха». Дело в том, что в 1797 г., путешествуя по южной Германии, Гёте присутствовал на постановке этой комедии во Франкфурте и вскоре после этого, действительно, появились первые стихотворения из цикла о паже и дочке мельника. Однако история несчастного влюбленного, выставленного в роли коварного искусителя и вынужденного спастись бегством из дома мельника, была добавлена к песенным диалогам, возникшим в 1797 г., несколько позже.

Не может не обратить на себя внимания и тот факт, что гётевский интерес к истории о вероломной мельничихе не ограничивался лишь созданным в 1798 г. стихотворным циклом. Спустя десятилетия всё тот же романс о коварной дочке мельника звучит из уст одной из героинь вставного рассказа в романе Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Речь идет о новелле под названием «Безумная скиталица». И тут возникает вопрос, как и почему романс, написанный в конце 90-х гг. XVIII столетия, проникает на страницы малой эпики писателя спустя почти 30 лет после его первой публикации? Ответ на него лежит, собственно, на поверхности, если только внимательно вчитаться в текст гётевского романа.

Основная часть. Вставной рассказ о сумасшедшей скиталице предваряет диалог Герсильи с Вильгельмом, в котором хозяйка дома, перед тем, как попрощаться со своим гостем, предлагает ему для вечернего прочтения рукопись, содержащую сделанный ею перевод с французского. «– Вы читаете перед сном? – спросила Герсилья Вильгельма. – Я пришлю Вам рукопись, это сделанный мной перевод с французского, а потом Вы мне скажите, попадалось ли Вам что-нибудь прелестнее» [1, с. 44]. Иными словами, Гёте сам сообщает читателям о том, что рассказ о безумной девице (также как и входящий в него романс о коварной дочке мельника) не является собственным сочинением писателя, а лишь переведен им с некоего французского первоисточника. Проведенные исследования показали, что (французская) версия истории о помещанной страннице, выступившая в качестве первоисточника гётевского текста, была опубликована еще в 1789 г. в одном из номеров альманаха «Cahiers de Lecture»¹. Высокая степень «соответствия гётевского

¹ См. труды Иоганнеса Кляйна «История немецкой новеллы от Гёте до наших дней» (Klein, J. Geschichte der deutschen Novelle. Von Goethe bis zur Gegenwart / J. Klein. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1960. – S. 72),

текста французскому оригиналу» [2, S. 56]² не раз отмечалась исследователями. Именно она, по всей вероятности, и стала одной из причин того, что из всех новелл, входящих в роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера», именно «Безумная скиталица» реже всего становилась предметом литературоведческих исследований, а смысловые расхождения стихотворной и новеллистической версий баллады о предательстве дочери мельника и вовсе остались незамеченными в русскоязычном культурном пространстве³.

Вместе с тем, анализ основных этапов работы писателя с текстом французской новеллы указывает на творческий подход Гёте к материалу, который был опубликован на страницах «Cahiers de Lecture»⁴. «Cahiers de Lecture» – французский ежемесячник, издававшийся в Германии библиотекарем тюрингского города Гота господином Генрихом Августом Оттокар Рейхардом (Heinrich August Ottokar Reicherd, 1751–1828). Рассказ о сумасшедшей девице появился на страницах свежего номера журнала накануне революционных событий во Франции, в феврале 1789 г., назывался «La Folle en pèlerinage» (Паломничество безумицы) и сразу же после своей публикации вызвал живейший интерес у представителей высшего веймарского общества. В письме к жене Шиллера от 29 марта 1789 г. г-жа фон Штейн интересовалась «читали ли Вы «La Folle en pèlerinage» в «Cahiers de Lecture», а затем добавляла «история рассказана весьма искусно, а прелестнее всего в ней – романс. Хотелось бы мне только знать, кто же её автор» [3, S. 267]. Более того, вставной романс произвел на г-жу фон Штейн такое сильное впечатление, что она сама перевела его на немецкий язык [4, S. 89]. Не осталась незамеченной эта история и для Гёте.

Интерес писателя к необычному поведению девицы, помешанной на идее самоотверженной верности, был вызван сразу несколькими факторами. Дело в том, что в марте 1789 г. г-жа Шарлотта фон Штейн (Charlotte Albertine Ernestine Freifrau von Stein, 1742–1827), бывшая наперсница поэта, узнала о том, что Гёте живёт в свободном браке с юной цветочницей Кристианой Вульпиус (Johanna Christiana Sophie Vulpius, 1765–1816). Примириться с таким проступком своего прежнего друга утонченная аристократка, интеллектуалка фон Штейн не могла, и бывшее родство душ обернулось для поэта ожесточением, презрением и злой насмешкой со стороны той, от которой он считал себя некогда «неотделимым» [3, S. 532]. Попытки поэта к примирению, его письмо с просьбой одарить бывшего друга «вновь своим доверием, взглянуть на происшедшее с естественной точки зрения, позволить сказать обо всем спокойное правдивое слово» остаются без ответа [3, S. 534]. Окончательный разрыв с г-жой фон Штейн, невероятные, злобные сплетни, курсировавшие в веймарском обществе и унижавшие Кристиану, приводят поэта в замешательство, заставляют по-новому взглянуть на традиционные представления о любви и верности.

Не внушали оптимизма господину тайному советнику и судьбоносные потрясения на европейской политической арене. Французская революция и последовавшие за ней трагические события ставили под сомнение подлинность существующих суждений о человеке и его нравственной природе, заставляли писателя подвергнуть тщательному анализу свои прежние представления о человеке и мире. Однако пройдет целых десять лет, прежде чем Гёте осмелится воплотить в художественных образах своё видение человеческой природы и характера взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

На первом этапе работы, в 1798 г., из всей французской новеллы поэт переводит лишь песню скиталицы и называет её «Предательство дочери мельника» (Der Müllerin Verrat). Немецкая версия романса была включена в уже созданный к тому времени стихотворный цикл. Он начинался историей знакомства благородного юноши с прекрасной Лизаветой («Паж и дочка мельника» (Der Edelknaube und die Müllerin) – первое стихотворение цикла), после чего влюбленный герой изливал свою сердечную тоску в стихотворении «Юноша и мельничный ручей» (Der Junggesell und der Mühlbach – второе стихотворение). Затем наступал черёд переводной баллады о вероломстве очаровательной «чертовки», сначала заманившей кавалера в свою «сладкую постель» и «вручившей ему свою честь», а затем созвавшей криками всю родню с требованием вернуть бедняжке «невинности цветок» («Предательство дочери мельника» (Der Müllerin Verrat) – третье стихотворение) [5, с. 283–285]. Заканчивался цикл примирением обманутого юноши с деревенской красавицей («Раскаяние дочери мельника» (Der Müllerin Reue) – четвёртое стихотворение).

Гельмута Химмеля «История немецкой новеллы» (Himmel, H. Geschichte der deutschen Novelle / H. Himmel. – Bern : Francke Verlag, 1963. – S. 56–57), Бенно фон Визе «Немецкая новелла от Гёте до Кафки» (Wiese, B. v. Die deutsche Novelle von Goethe bis Kafka. Interpretationen II / B. von Wiese. – Düsseldorf : A. Bagel Verlag, 1956. – 350 S.

² Здесь и далее при ссылке на немецкий источник перевод мой – Л.С.

³ Для русскоязычного читателя отличие баллады «Предательство дочери мельника» от вставного романса новеллы не является очевидным, так как создатель русскоязычной версии романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» С. Ошеров использовал при передаче песни безумной скиталицы переводную версию стихотворения «Предательство дочери мельника», принадлежащую перу А. Глобы.

⁴ Исследование, проведенное доктором Норбертом Ёллерсом в конце XX столетия, позволило обнаружить первоисточник истории, опубликованной на страницах журнала «Cahiers de Lecture». Оказалось, что впервые рассказ о девице, помешанной на верности, был напечатан в Париже анонимно. Он появился в 1786 г. на страницах сборника рассказов «Nouvelles Folies sentimentales, ou Folies par amour». См. Oellers, N. Goethes Novelle «Die pilgernde Thörin» und ihre französische Quelle / N. Oellers // Goethe Jahrbuch. – Weimar : Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. – Bd. 102. – S. 88–104.

Ещё через 10 лет, в конце 1808 г., в «Карманной книжечке для дам на 1809 год» (*Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1809*) появился перевод всей французской новеллы, повествующей о необычной страннице, поселившейся в поместье богатого землевладельца и сумасбродной выходкой нарушившей мир и покой в доме. По сюжету с загадочной гостьей г-н де Реванн знакомится во время очередной утренней прогулки. Таинственная красавица производит на немолодого уже мужчину такое сильное впечатление, что он без долгих размышлений уговаривает прекрасную незнакомку остановиться у него в имении. Девушка принимает предложение и в знак благодарности за оказанное гостеприимство исполняет романс о неверном возлюбленном, променявшем благородную даму на дочку мельника и наказанном за это предательством последней. Печаль в голосе и увлажнившиеся от слез глаза незнакомки дают хозяевам повод предположить, что скрывающая своё имя красавица и есть та самая «прекрасная дама» из романа, бегущая от несчастной любви. Проявив себя великолепной домоправительницей, девушка задерживается в имении де Реваннов почти на два года и становится объектом любовных притязаний со стороны хозяина дома и его сына. В финале рассказа, чтобы избавиться от настойчивых ухажеров, загадочная скиталица идет на необычную хитрость, заставляя отца и сына де Реванн усомниться не только в её целомудрии, но и в благородстве друг друга. Своё же безрассудное поведение красавица объясняет страстным желанием доказать «дружку с мельницы», а вместе с ним и всем мужчинам, что «и мужчины и женщины бывают неверны только по своей воле» [1, с. 56].

Переведенная на немецкий язык новелла была издана Гёте сначала в качестве самостоятельного произведения. В её состав автор включил и стихотворение о предательстве дочки мельника, опубликованное ранее в шиллеровском журнале «Альманах муз» (*Musen-Almanach für das Jahr 1799*). При этом Гёте-новеллист не просто вложил в уста странницы уже имеющийся перевод баллады об обманутом юноше, а внес в текст своего же перевода такие изменения, которые позволили ему сместить смысловые акценты баллады, подчинив её идейную направленность общей проблематике новеллы. Например, в первой строфе стихотворения предположение о том, что закутанный лишь в плащ полунагой путник мог придаваться молитвам в какой-нибудь лесной часовне (*Hat er sich in der Waldkapell, / So kalt und frisch es ist, erbaut? – Неужели он в лесной часовне, / Такой холодной, освежающей прохладой, возносился душой к Богу?*) [6, S. 121], сменяется в новелле иронической гипотезой исполнительницы о намерении юноши отправиться в паломничество, чтобы вознестись душой к богу (*Hat wohl der Freund beim scharfen Winde / Auf einer Wallfahrt sich erbaut? – Неужели друг в такой сильный ветер / Отправился в паломничество, чтобы вознестись душой к Богу?*) [7, S. 55]. Тему паломничества героиня гётевской новеллы акцентирует неслучайно, так как это дает ей возможность уже в самом начале романа противопоставить вынужденное скитание «неверного дружка», польстившегося на запретный плод, её собственному благочестивому путешествию во имя верности.

Следующую смысловую трансформацию обнаруживаем в третьей строфе песни. Если герой стихотворного цикла пробирается в сад дочки мельника в поисках пары заветных яблочек⁵, что превращают мельничий палисадник в настоящий рай плотской любви (*Warum auch schlich er diese Wege / Nach einem solchen Äpfelpaar, / Das freilich schön im Mühlgehege, / So wie im Paradiese war! – И зачем он крался по [этим] тропкам / В поисках парочки таких яблочек / Которые, как всем известно, в мельничьем саду такие сладкие / Будто в раю*) [6, S. 122], то в случае с обманутым героем новеллы налицо библейская аллюзия. Герой отправляется туда уже за тем самым ветхозаветным яблоком, что вместе с наслаждением несет с собой множество опасностей (*Warum auch ging er solche Wege / Nach einem Apfel voll Gefahr – И зачем он отправился по этим тропкам / В поисках яблока, таящего опасности*) [7, S. 55]. Таким образом, райский сад дочки мельника коннотируется в новелле в отличие от стихотворного цикла не только с пространством чувственной любви, это еще и место обретения лирическим героем истинных знаний, постижения тайн мироздания ценой ошибок и прозрений. В объятьях красавицы, окруженный ратью наступающих родственников, обманутый любовник постигает всю иллюзорность своей надежды найти вожаемую свободу от всяческих обязательств, сбежав от условностей света к мельничному ручью. Мамки-папки девицы требуют у застигнутого врасплох несчастного любовника не просто вернуть их дочери «невинности цветок», как это было в первом варианте перевода (*Sie forderten des Mädchens Blüten / Mit schrecklichem Geschrei von mir – Они требовали девицы цвет / С ужасным криком от меня*) [6, S. 122], собравшаяся родня из романа безумной скиталицы претендует уже на брачный венец для утратившей честь девицы (*Da forderten sie Kranz und Blüten / Mit grässlichem Geschrei von mir – И тогда они потребовали венца и девичьего цвета / От меня, отвратительно крича*) [7, S. 56]. А сама красавица из двадцатилетней барышни превращается в новелле в шестнадцатилетнюю ветреницу.

⁵ Еще в древнегреческой литературе соблазнительные округлости женской груди нередко сравнивались поэтами с парой прекрасных яблок. См. у Феокрита: «Девушка: Делаешь что ты, сатир? Почему ты к сосцам прикоснулся? Дафнис: Яблочки эти твои, погляжу я, сегодня липели» (Александрийская поэзия: переводы с древнегреческого // М.Е. Грабарь-Пассек (авт.-сост.). – М.: Худож. лит. – 432 с).

Смысловые трансформации, предпринятые Гёте, приводят к тому, что романс, вложенный в уста безумной странницы, следует скорее повествовательной стратегии поучительного рассказа, ориентированного на общие законы жизни, познать которые и должен неверный возлюбленный ценой собственного горького опыта. Сама же обманутая девица выступает в роли выразительницы нравственного закона, нарушение которого ведет к заслуженному наказанию. В заключительной строфе романса она, словно судья, выносит «моральный приговор» [8, S. 189] своему бывшему возлюбленному: «Посмейтесь же со мной! Создатель / Его за дело покарал» [1, с. 50]. Такая безапелляционность в оценке произошедшего – отличительная особенность гётевского перевода. Во французской версии строка с категоричным заявлением исполнительницы, о том, что герой её романса действительно заслужил такого наказания, отсутствует (Ср. у Гёте : *Denn wirklich ist sie wohlverdient* – Так как она (боль – прим наше. – Л.С.) действительно заслужена) [7, S. 57].

Заключение. Наличие в творчестве Гёте перевода одного и того же романса сразу в двух версиях едва ли можно объяснить лишь стремлением писателя приблизить более поздний вариант своего перевода к тексту оригинала (согласно дневниковым записям изначально перевод баллады Гёте делал по памяти⁶). Часть изменений, внесенных в более поздний вариант перевода, действительно носит чисто стилистический характер. Но встречаются среди них и такие, что приводят к смещению смыслопорождающих акцентов всего романса, что было обусловлено необходимостью включить текст песни в художественный мир новеллы «Безумная скиталица», вписав его в общую проблематику романа о Вильгельме Мейстере, романа, посвященного разгадке тайны человеческой личности.

Сюжет вставного рассказа о пребывании необычной странницы в доме г-на де Реванна словно вступает в полемику с входящей в её состав поучительной песней скиталицы и вносит коррективы в традиционную трактовку темы любви и верности. Верность в любви, доведенная до абсолюта, возвышает героиню в собственных глазах, определяет её чувство морального превосходства не только над неверным «дружком с мельницы», но и над всем её окружением. Но фанатичное стремление молодой девицы воплотить в жизнь рыцарские идеалы верности и преданности превращают её в настоящую безумицу. Она воображает себя мученицей и не желает признаться даже себе в чувствах к бывшему другу. Сознаться в собственной неспособности сопротивляться силе любви, значит признать за бывшим возлюбленным право на такие же чувства в отношении дочери мельника. А это уже задевает самолюбие «прекрасной дамы», притязания женщины на признание в ней личности, достойной любви, поэтому гораздо спокойнее спрятаться за традиционными клише о верности и измене и нести себя миру как жертву мужской неверности и образец обманутой добродетели.

Любопытным представляется тот факт, что включение новеллы в состав романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» происходило поэтапно. Если в первом издании (1821 г.) новелла завершала роман, будучи включенной в 16-ю (заключительную главу), то в издании 1829 г. она уже была вынесена в начало романа (5 глава). Вместе с композиционными преобразованиями принципиально меняется и подход героев рамочного повествования к оценке вставного рассказа. В ранней версии романа история безумной скиталицы рассказывается, по словам Фридриха, для того, чтобы по-настоящему понять разницу между «сумасбродным помешательством, что гонит человека по свету, и хорошо продуманным и удачно начатым предприятием», которому посвящают себя Отрекающиеся [9, S. 418–419]. Во втором же издании романа Гёте отказывается от прежней категоричности в оценке поступка героини новеллы, оставляя за читателем право, самостоятельно решать, кем все же была поселившаяся у г-на де Реванна прекрасная незнакомка, «ангелом, или, вернее, демоном, который бродит по свету, чтобы терзать сердца» [1, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте, И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся : пер с нем. / И.В. Гёте // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 8. : Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся ; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта ; коммент. А. Аникста. – 462 с.
2. Herwig, H. Das ewig Männliche zieht uns hinab: «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Geschlechterdifferenz, sozialer Wandel, historische Anthropologie / H. Herwig. – Tübingen [u.a.] : Francke, 1997. – 467 S.
3. Stein, Ch. v. Den 29. März (1789) // Charlotte von Schiller und ihre Freunde / hrsg. v. Ludwig Urlichs. – Stuttgart : J.G. Cotta'scher Verlag, 1862. – Bd. 2. – 456 S.
4. Oellers, N. Goethes Novelle «Die pilgernde Thörin» und ihre französische Quelle / N. Oellers // Goethe Jahrbuch. – Weimar : Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. – Bd. 102. – S. 88–104.
5. Гёте, И.В. Стихотворения : пер. с нем. / И.В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 1. : Стихотворения ; под общ. ред. Н. Вильмонта и др. ; коммент. А. Аникста. – 524 с.

⁶ В письме к Шиллеру от 24 июня 1798 г. Гёте пишет: «Высылаю французский романс. На самом деле хорошо, что у меня не было его под рукой, иначе отдельные выражения помешали бы мне, идти своей дорогой» [4, S. 90].

6. Goethe, J.W. Der Müllerin Verrat / J.W. Goethe // Goethes Werke : in 12 Bänden ; Hrsg. H. Kurz. – Bd. 1 : Gedichte. – Leipzig : Bibliographisches Institut AG, um 1900. – S. 121–122.
7. Goethe, J.W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden / J.W. Goethe // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bnd. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – B. 8 : Romane und Novellen III. – 711 S.
8. Clouse, R.A. Die pilgernde Törrin: genesis, revaluation, and mirroring in Goethe's «Wanderjahre» / R.A. Clouse // Goethe Yearbook. – Rochester : Camden House Camden, 2007. – Vol. 14. – P. 171–206.
9. Goethe, J.W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder Die Entsagenden. Erster Teil / J.W. Goethe. – Stuttgart, Tübingen : Cotta'sche Buchhandlung, 1821. – 550 S.

Поступила 15.06.2021

**«THE MAID OF THE MILL'S TREACHERY» BY J.W. GOETHE:
A GERMAN VERSION OF THE FRENCH ROMANCE**

L. SIAMCHONAK

The article provides a comparative analysis of Goethe's two translations of the French romance by an unidentified author. In Goethe's works the story of the cunning beauty's treachery exists in two versions – as an independent piece of a ballad cycle about a young man in love with a charming miller's daughter, and as a romance, which is performed by the heroine of the story within a story from the novel "Wilhelm Meister's Apprenticeship". Particular attention is paid to the semantic transformations introduced by Goethe in the original translation. It is these that made it possible to incorporate the ballad into the artistic world of the novel. Goethe's version of the romance, embedded into the mad wanderer's mouth, is noted to differ from the original translation in its heightened didacticism. This brings it closer to the narrative strategy of a cautionary tale centred on the general laws of life, which the unfaithful lover must cognize at the cost of his own galling experience. On the contrary, the values and senses of the worldview in the novel engage into a polemic with its constituent song. The main plot of the story within a story disputes the relevancy of the deceived girlfriend's claim to absolute fidelity hidden in the revised translation of the romance.

Keywords: *a romance, a story within a story, a cautionary tale, translation, semantic transformations.*